

*Из истории слов
и выражений*

Как изучается история отдельных слов

Каждое слово имеет свою историю, нередко многовековую, в продолжение которой оно переживало различные изменения в звуковом составе, в словообразовательных элементах и значениях. Задача науки этимологии заключается в том, чтобы установить происхождение и развитие каждого слова, учитывая все изменения, которые оно пережило.

Возьмем для примера слово *сердце*. В современном русском языке оно непроизводное, то есть состоит только из основы и окончания: *сердц-е*. В этой и многих других надежных формах (*сердца*, *сердцу* и т. д.) слово это произносится без *д*, как в польском языке, в котором оно так и пишется, по произношению: *serce*. Но такие формы, как *ссердец*, *сердечко*, *бессердечный*, напоминают, что в этом слове есть согласный *д*. Произношение *serce* объясняется тем, что сочетание *дц* перед глухим согласным *ц* переходит в *тц*, а *т* при этом поглощается звуком *ц*.

Но возникает другой вопрос: откуда взялся гласный *e* после *đ* в приведенных формах (сердце, сердечко, бессердечный)? В памятниках древнерусской письменности, составленных более 900 лет назад, мы находим написания: сръдце (Остромирово евангелие); въ сръдци съкрыхъ — ‘скрыл в сердце’ (Изборник 1076 г.); съкроушенъмь сръдцьемь — ‘с сокрушенным сердцем’ (там же). Древнерусские написания *сръдце*, *сръдци*, *сръдцьемь* показывают, что после *đ* был в ту пору ослабленный гласный звук, изображавшийся на письме буквой *ь*; со временем этот звук в одном («сильном») положении перешел в *e*, а в другом («слабом») исчез. Так, в форме *сръдце* после *đ* и перед последующим гласным полного образования (неослабленным *e*) *ь* был в слабом положении, а в форме *сръдць* после *đ*, попав под ударение, *ь* стал сильным и поэтому перешел в *e*. Выпадение слабого *ь* после *đ* сблизило соседние звуки *дц* и привело к тому, что *дц* стало звучать как *ц*.

Этими причинами объясняются современные формы *сердце*, *сердец* (из *сръдце*, *сръдць*).

В *сръдце* *-ьц-* был суффиксом, как и в словах: коньць (конец), коупьць (купец), слъпъць (слепец) и других. Корнем *сръдце* (сердце) было, таким образом, только *сръд-*, что подтверждается и современными словами *сърдобольный*, *милосердие* и т. п. В латышском языке сохранился этот древний корень в слове *sirds* ‘сердце’ (*s* после *d* — окончание). Если продолжить сопоставления дальше вглубь, то устанавливается, что начальный звук в *sirds*, *сръдце* произошел из *к*: ср., например, древнегреческое *kardia* ‘сердце’, отсюда и заимствованное из греческого *кардиограмма* ‘графическое изображение работы сердца’ (от греческого *kardia* ‘сердце’ и *грамма* ‘запись’).

Древний корень *сръдце* тот же, что у слова *середина*; первоначальным значением *сръдце* и было ‘середина’. Это значение до сих пор сохранилось в слове *сердцевина*, в латышском *serde*; ср. еще старославянское: «Чръвъ сръдцеѡубоудѡды оуваждаеть» (Червь, поедая сердцевины дуба, засушивает его) — (Супрасльская рукопись. XI в.).

Таким образом, чтобы установить историю слова *сердце*, оказалось необходимым сначала сопоставить различные образования от его основы в современном языке. В поисках объяснения причин различного произношения форм этого слова мы были вынуждены обратиться к древней-

шим памятникам нисъменности, а затем и к другим, родственным языкам. В конце концов мы узнали, что древнейшим корнем слова *сердце* был *k'rd-* (*г* обозначает, что звук *г* был в нем слогообразующим), который в разных языках стал звучать неодинаково — в древнегреческом *kard*, латышском *sird-*, древнерусском *сърд-*. Все эти закономерности звуковых соответствий в родственных языках объясняются в трудах по сравнительной грамматике славянских и — шире — индоевропейских языков.

Слова в языке могут быть не исконным наследием, а заимствованиями из других языков. Определить это иногда бывает не так легко. Для примера возьмем наречие *восвояси*.

В журнале «Русский язык в школе» (1968, № 3) опубликована заметка «Отправиться восвояси», в которой утверждается, что наречие *восвояси* получилось из сочетания *во своя вси*, где *вси* — из *вьсь* (весь) в значении 'деревня, поселок'.

Существительное *вьсь* (современное *весь*) — женского рода. Этого слова, по-видимому, в древнерусском языке не было: его нет в русских говорах, а белорусское *вёска*, очевидно, заимствовано из польского *wioska* 'деревня, поселок'. На вопрос «отправиться куда?» ответом должно быть «в свою *весь*», так же как «в свою деревню», «в свой город», потому что глагол *отправиться* требует дополнения в винительном падеже. Однако в предполагаемом словосочетании *въ своя вьси* форма *вьси* может быть только формой предложного (местного) падежа или, на худой конец, винительного множественного. Необъяснимой оказывается и форма местоимения *своя* вместо ожидаемой *своей*, если это предложный падеж, или *свои* (древнерусское *своѣ*), если винительный множественного. Кроме того, в оборотах *в свое поле*, *в свою деревню* предлог обыч-

но произносится как *в*. Почему же в слове *восвояси* тот же предлог звучит по-книжному — *во*?

Эти недоуменные вопросы говорят о том, что происхождение наречия *восвояси* из *въ своя въси*, по крайней мере, сомнительно. На самом деле наречие *восвояси* в русский литературный язык вошло из церковных книг, написанных на старославянском языке. Так, в рукописях XI века читаем: «Да разидеть с а къждо въ своѣ си» (Ассеманиево евангелие); в Марииинском евангелии этот текст читается без местоимения *си* и точно соответствует греческому сочетанию *eis ta idia* 'в собственные владения', переводом которого и является *въ своѣ си*. На современный русский язык этот текст можно перевести так: «Пусть разойдется каждый в свою сторону», буквально 'в свои владения'. Приведем еще пример: «гютьпусти въ своѣ та и си» (Их отпустил в свои владения) — Супрасльская рукопись. XI в. В приведенных примерах находим двойное употребление местоимений *своѣ* и *си*. Такое употребление местоимений — один раз в полной форме, другой — в краткой — с древних пор было характернейшей особенностью болгарского языка. Ср. в современном болгарском языке: «Аз тебе те не слушам» (Я тебя не слушаюсь); «Пред себе си» (Пред собою); «Човек живее на само за себе си» (Человек живет не только для себя) и т. д. Другим славянским языкам, кроме македонского, эта особенность употребления местоимений не свойственна. Несомненно, что в памятниках старославянского (древнеболгарского) языка *въ своѣ си* — болгарская языковая особенность; при этом *своѣ* — винительный множественного среднего рода.

Оборот *въ своѣ си*, войдя в русский язык, со временем превратился в наречие, которое проникло даже в некоторые говоры русского языка: «Мы здися были для заработков, плотничали, а теперь идем к страде в своясы» (пермское).

Таким образом, наречие *восвояси* 'к себе домой' по своему происхождению в русском языке — церковнославянизм (подробнее об этом см.: А. С. Львов. Старославянское *въ своѣ си*. — Сб. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1970). Такие признаки анализируемого наречия, как необычное произношение предлога *во* вместо *в* и употребление двойного местоимения *своя си*, свойственное только болгарскому и македонскому языкам, помогли нам установить, что это не исконное русское слово.

Чтобы изучить происхождение и развитие слова, необходимо, как мы видели, владеть широкими и точными знаниями по истории звуков, форм склонения и спряжения, по словообразованию, семантике (значениям слов). Но и этого недостаточно. Надо еще владеть сравнительно-историческим методом, то есть умением находить правильные соответствия слову в других родственных языках. При соблюдении этих условий возможно установление единственно правильной этимологии слова.

Правда, есть одна этимологически простая группа — звукоподражательные по происхождению слова, вроде *шепот*, *ропот*, *топот* и т. п., в которых корни *шьп-*, *ръп-*, *тъп-* передают

определенные звуки, а к ним присоединен суффикс *-от* (из *-ѣтъ* или *-отъ*); в древности писали: *шьпѣтъ*, *ръпѣтъ*, *тъпѣтъ*. В частности, слово *хлопоты* — тоже звукоподражательное по происхождению, корнем его был *хлоп-*, а суффикс тот же — *-отъ*. В одной рукописи XI века читаем: «Слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ» (Слышал голос [звук] хлопанья в пещере). Здесь *хлопотъ* употреблено еще в первичном значении. Позже слово *хлопоты* (множественное число) приобрело значение 'заботы, беспокойное занятие'.

Поскольку слова живут долго, даже тысячелетиями, часть из них потеряла свои бывшие родственные связи. Некоторые из них очень трудны для этимолога. Например слово *капуста* известно многим славянским языкам, но в других родственных неславянских его нет, а если и есть, то оно явно заимствовано из славянских языков. Источник этого слова остается неясным. По поводу его этимологии высказаны различные мнения, но ни одно из них пока нельзя считать бесспорным.

Доктор филологических наук
А. С. ЛЬВОВ